Глава 596: Масло закончилось, лампа высохла

На втором пике Сун Цзя опёрлась на сосну, её безучастный взгляд был направлен в сторону четвёртого пика. В какой-то момент в уголках её глаз навернулись слёзы и побежали по щекам, оставляя за собой горячие дорожки. Песня целебной пилюли слой за слоем окутывала её сердце, медленно пробуждая воспоминания.

Образ её отца, образ её самой…

Некоторые звали её жемчужиной на ладони[1]. Сун Цзя до сих пор не забыла, что она… была жемчужиной на ладони её отца.

Мерная песнь целебных пилюль разносилась эхом по первым небесам. Она затронула сердца миллиона людей, даже Фан Юй. Она задумчиво сидела, пытаясь справиться с нахлынувшими эмоциями. Девушку одолевали волнение и воспоминания. Воспоминания об её отце: образованном, мягком и в то же время очень строгом. Песнь напомнила и об её детстве со всеми приятными и милыми сердцу моментами. Взволновала её песня четвёртого пика, потому что она ясно слышала исходящую от мелодии любовь Мэн Хао к семье, к человеку, который не был его отцом.

— Отец, — прошептала она, — действительно ли ты сделал правильный выбор?

В какой-то момент она заплакала. Она вспомнила своё детство. Тогда она часто видела, как рыдает её мать, а отец стоит у окна и смотрит куда-то вдаль глубоким задумчивым взглядом. Этот взгляд был полон любви, которой, будучи маленькой девочкой, Фан Юй не понимала. Только став старше и размышляя о своём детстве, она поняла, что это была любовь, но не к ней, а к кому-то, находящемуся очень и очень далеко, кому-то в далёких краях.

Любовь отца и любовь матери совершенно разные. Любовь отца более сдержанная, более молчаливая, словно гора. Будучи ребёнком, твой отец — твой ангел хранитель. Став подростком, всё меняется, он становится помехой. Ты видишь себя лучше, чем он. Считаешь его ниже себя. В зрелости, смотря на гору, ты внезапно понимаешь, что твой отец всё это время был рядом и с гордостью наблюдал за тобой. Всё твоё высокомерие, весь твой эгоизм, всю твою узколобость — всё это он прощал. Прощал, не сказав ни единого слова. В момент этого осознания тебя пронзает непередаваемое чувство тоски, ведь ты внезапно понимаешь. Что… это и была любовь отца.

Пока она есть, ты её не замечаешь. Но потеряв, тебе кажется, что Небеса в твоём сердце навсегда потускнели!

Когда ребёнок хочет позаботиться о своих родителях, но понимает, что их уже не стало… его сердце пронзает печаль, способная вызвать самые горькие слёзы.

Пока Мэн Хао переплавлял пилюли, песнь разносилась по всем первым небесам. На всех семи великих пиках миллион учеников в полной тишине слушали песню. Даже парагоны погрузились в глубокие раздумья. Слушая песню, перед их глазами проносились картины из прошлого…

«В прошлом я считал себя способным на всё. Вы тогда много чего говорили. Вы пытались вмешаться, помочь, но тогда я отмахнулся от этого, посчитав, что всё изменилось. Я думал, что могу самостоятельно расправить крылья и летать. Но потом мои крылья сломались, я очень устал. После долгого полёта я внезапно обернулся назад и подумал о вас, обо всём, что вы мне говорили. Но когда я обернулся, то увидел только вашу могилу. Я стоял перед ней и рыдал. Как

же я хотел сказать:

"Отец... я был не прав"».

«В прошлом я не считался с вами, а потом покинул вас, чтобы доказать на что способен. Много лет спустя я покорил мир и вернулся к вам, желая продемонстрировать свои достижения, желая увидеть ваше удивлённое лицо. Вместо этого я увидел в ваших глазах лишь огромную гордость за меня. Моё сердце сжалось в груди. За столько лет ваши волосы поседели. Я обнял постаревшего отца и прошептал:

"Отец, я вернулся"».

Из глаз Цзи Сяосяо брызнули слёзы, когда на неё накатились воспоминания...

Память Ли Шици воскресила образ её наставника. Она не знала своего отца. Когда она впервые в жизни открыла глаза, то увидела не наставника, а какого-то другого человека. Но со временем наставник стал ей отцом. Она звала его наставником, но сердце звало его отцом. Потеряв родителей, когда она ещё была крохотным ребёнком, её удочерили. Став старше, она превратилась в настоящую красавицу. Однако с ранней юности она была поражена страшной болезнью. Только благодаря усилиям наставника спустя много лет она смогла начать жить нормальной жизнью.

Без наставника не было бы никакой Ли Шици.

Давным-давно он взял её с собой, чтобы попытаться найти её родной город. После долгих поисков Ли Шици мягко сказала:

— Наставник, не надо больше искать. В этой жизни вы мой наставник. Я очень надеюсь, что в следующей вы станете моим отцом.

Песнь пилюль полностью затопила секту Бессмертного Демона. Она затронула тонкие струны в душах всех этих людей. Не было таких, кто бы не проникся этой песней...

Мэн Хао выглядел потерянным. Эти целебные пилюли, эта алхимическая печь и её песня — всё это было пропитано его нежеланием расставаться с Кэ Юньхаем и мечтами Мэн Хао об отцовской любви. Он не заметил, как за его спиной возник человек в белом халате. Худощавый, с длинными волосами, он буквально был воплощением времени и древности.

Этим человеком был Кэ Цзюсы.

Он стоял позади Мэн Хао, его глаза были прикованы к алхимической печи, словно он мог наблюдать за ней вечность. Целебные пилюли переплавлял Мэн Хао, но песнь пилюль несла с собой голос не только Мэн Хао, но и Кэ Цзюсы.

А потом прозвучал погребальный звон. Колокол ударил ещё, и ещё, и ещё...

Никогда колокола не звонили после смерти учеников. Даже ученики конклава или элитные ученики были недостойны его. Только люди, имевшие огромные заслуги перед сектой, были достойны погребального звона секты Бессмертного Демона, который бы оберегал их в последнем пути. Кроме этих людей... только после смерти парагонов начинали звонить все колокола секты...

На девятом ударе колокола Мэн Хао вздрогнул. Он и Кэ Цзюсы медленно подняли глаза от

алхимической печи.

— Колокола... — прошептал Мэн Хао.

Его сердце сковал страх, и внезапно ничего больше не имело значения. Его больше не волновала переплавка пилюль, иллюзорный мир или эта древняя эпоха. Его уже не заботило, стала ли эта партия пилюль божественными пилюлями, удалось ли ему их успешно переплавить.

Вздрогнув, он осознал, что уже наступила ночь. С дрожью в коленях он поднялся на ноги. Как вдруг алхимическая печь сильно загудела, а потом целебные пилюли и сама печь неожиданно взорвались. Их связь с Мэн Хао была оборвана, а сам он закашлялся кровью. Эта кровь окропила останки целебных пилюль. Она была наполнена не поддающимися описанию чувствами. Чувствами, несущими неугасимую любовь к отцу.

"Отец..."

Мэн Хао стрелой вылетел наружу. Он выбежал из мастерской, не заметив лежащие в разбитой алхимической печи девять расколотых пилюль. Однако в этой партии их было десять. Вся целебная сила девяти расколотых пилюль соединилась в десятой пилюле. Эта пилюля ярко засияла, начав трансформацию из чего-то иллюзорного в нечто реальное! Пилюля вобрала в себя кровь Мэн Хао, которая хранила в себе его истинные чувства и эмоции. Из-за этого пилюля... претерпела полную трансмутацию. Свершилось истинное сотворение чего-то из ничего!

Вот только не имело значения, ни что целебная пилюля была создана из ничего, ни что она отвечала всем требованиям, о которых мечтал Мэн Хао. Сейчас для него не существовало никаких целебных пилюль. В его душе была лишь тревога настолько сильная, что он совершенно забыл, кем был...

Он выбежал из пещеры бессмертного, в которой находилась мастерская по переплавке пилюль. А потом превратился в луч света и со всей возможной скоростью помчался к пещере бессмертного Кэ Юньхая.

Погребальный звон был слышен на всех семи великих пиках первых небес.

Дун... Дун...

На тринадцатом ударе Мэн Хао добрался до пещеры бессмертного Кэ Юньхая. Увидев крепко запечатанную дверь, по лицу Мэн Хао заструились слёзы. Он упал на колени прямо перед дверью.

— Отец!

Его голос был не очень громким, но его услышали все на четвёртом пике. Его щёки были влажными от слёз. Он не знал когда, но в какой-то момент он с головой погрузился в эту иллюзию древнего мира. Кэ Юньхай заполнил пустоту в его сердце, подарил отцовскую любовь, о которой он мечтал с самого детства. Эту пустоту Мэн Хао обычно хранил в самом дальнем уголке своего сердца. Он не хотел, чтобы кто-то растревожил её, даже он сам.

Но потом в этой иллюзии древнего мира появился Кэ Юньхай... и заполнил эту пустоту.

Сердце Мэн Хао разрывало на части. Небо и Земля для него потеряли свои краски. Его

охватило неописуемое чувство, словно его тело превратилось в чёрную дыру, пожирающую его душу, саму его жизнь. Его всё!

— Отец…

По его щекам бежали горячие слёзы, но он не сводил глаз с двери пещеры бессмертного. Колокола пробили девятнадцатый раз. С каждым ударом колокола четвёртый пик окружали зелёные лучи света. Сейчас гору окружало девятнадцать сияющих колец света. Когда Мэн Хао в слезах коснулся лбом земли, дверь в пещеру бессмертного беззвучно отворилась. Изнутри послышался усталый голос Кэ Юньхая:

— Не плачь.

Мэн Хао тотчас поднял голову и задрожал, а потом без колебаний вбежал внутрь. В пещере бессмертного было темно, но он всё равно смог разглядеть Кэ Юньхая, сидящего в позе лотоса на каменной кровати.

Кэ Юньхай постарел ещё сильнее. Теперь его аура была полностью пропитана разложением. Из его тела то и дело вырывался белый пульсирующий свет; похоже, его тело готовилось умереть в позе лотоса. Что до лампы рядом с ним… масло закончилось, лампа высохла[2]. Она светила настолько слабо; казалось, даже лёгкий порыв ветра мог задуть этот крохотный язычок пламени.

Рядом лежал огромный гроб. Его поверхность покрывал узор из причудливых зверей. Он выглядел довольно обычно, но, если присмотреться, становилось понятно, каким невероятным предметом был этот гроб.

— Цзюсы, не плачь… — хрипло сказал Кэ Юньхай, с любовью посмотрев на Мэн Хао. — Ты уже совсем большой. Папа не может оставаться рядом с тобой вечно. Отныне тебе придётся полагаться только на себя… Но есть последняя вещь, которую я могу для тебя сделать. Перед моей смертью во время медитации я хочу подарить тебе самое ценное сокровище в жизни, выкованное лично мной!

Погребальные колокола пробили пятьдесят седьмой раз. На девяносто девятом ударе души не станет. Вместе с девяносто девятью кольцами света, созданными колокольным звоном, душа вернётся к Небу и Земле и перейдёт в потусторонний мир…

[1] Так говорят о горячо любимом ребёнке, особенно дочери. — Прим. пер.

[2] В Китае эта метафора означает скорый конец жизни. — Прим. пер.

***

Заметка от автора (Эргена): Любовь отца подобна горе. Много лет я не понимал значения этих слов. По-настоящему я понял, что значит быть отцом, только восемь лет назад, когда сам стал отцом. Тогда я понял, как же непохожи любовь отца и матери. В молодости я прочёл эссе Чжу Цзыцина "Силуэт" (https://goo.gl/L2jnkc). Тогда я не понял его и только спустя много лет по-настоящему осознал его значение. После каждого прочтения я всё больше понимаю, насколько же глубока эта работа. Каждый раз, как я читаю его, то лучше понимаю, что значит быть отцом.

Сегодня я не прошу голосовать за меня, вместо этого я желаю всем отцам счастливого пути. Братья и сёстры, пожалуйста, проводите больше времени с вашими отцами. Не стесняйтесь

желать им благополучия. Только с появлением собственного ребёнка я осознал, насколько тяжело отцу и матери воспитывать детей.

http://tl.rulate.ru/book/96711/167591